

Ветер гонял по воздуху огромные хлопья снега, и вскоре толстый слой сугробов покрылся слоем черной копоти.

Трущобы напоминали городские эрозионные ландшафты: узкие потоки ветра с пронзительным воем носились между высотками, словно призраки, оплакивающие свою участь.

Город Сердца по праву можно было назвать учебником по экстремальным погодным условиям.

И всё же, к проржавевшей до состояния скелета железной двери в четырнадцатом районе трущоб неспешно приближалась фигура в широком плаще.

Ветер приподнял капюшон, открыв четкий, округлый и миловидный подбородок. Губы юноши от лютого мороза побледнели и слегка посинели, но в их изгибе все еще теплилась улыбка.

Он шел сквозь метель, оставляя на толстом снегу ровный ряд следов. В такую погоду даже взрослых прохожих сбивало с ног, но юноша ступал уверенно и легко, словно прогуливался по летнему пляжу.

Напевая себе под нос, он вдруг наклонился, скатал снежок, но бросать не стал — просто подбрасывал его в ладони, пока грязная талая вода не залила всю руку, а кончики пальцев не покраснели от холода.

Добравшись до рынка, юноша обнаружил, что из-за бурана все лавки закрыты. Он обошел здание к черному входу, несколько раз пощелкал кодовым замком, и засов с тихим щелчком отскочил. Юноша, продолжая напевать, вошел внутрь.

Услышав шаги, из окна одной из комнат высунулся низкий толстяк и нелюбезно проворчал:

— Опять ты, сорванец? Что на этот раз притащил на продажу?

Юноша остановился у окна и откинул капюшон. Его лицо выглядело по-детски юным, а когда он улыбнулся, обнажив острый клык, стал похож на озорного мальчишку, обожающего проделки.

— Сначала одолжи салфетку, руки вытереть.

Толстяк со вздохом вытащил из-под стола старую засаленную тряпку и сунул ему.

— Ты еще не разорился? — спросил юноша.

— С таким языком ты еще не отхватил по первое число?

Юноша поморщился:

— Еще не встречал того, кто смог бы меня побить.

— Ладно, некогда мне с тобой болтать. Что принес? Условились же: если опять какая-нибудь ржавая железка, из которой якобы можно добыть редкие элементы — больше не куплю, слышишь?

— В этот раз другое. — Юноша прервал ворчание толстяка.

Он быстро завернул сферический предмет в грязную салфетку и бросил мужчине. Тот поймал увесистый сверток, подозрительно покосился на юношу и развернул ткань. Внутри оказался предмет, похожий на глазное яблоко. Толстяк испугался так, что едва не отшвырнул находку вместе с салфеткой.

Юноша не сдержался и прыснул со смеху.

Присмотревшись, торговец понял, что это всего лишь имитация, биомеханический глаз. Его лицо побагровело от гнева:

— Ты мне подсовываешь какую-то машинную дрянь? Принял меня за скупщика мусора? Сокровища давай, настоящие сокровища!

— Посмотри внимательнее, — невозмутимо ответил юноша. — Или боишься?

Толстяк, тяжело дыша, приложил руку к груди, чтобы успокоиться, и пробормотал:

— С чего бы это Снежной сестрице считать тебя ценным? Ты же не добрый, даже патрульные жестянки на улицах добрее тебя... Погоди-ка... Золото?!

Глаза торговца полезли на лоб. Он в недоумении переводил взгляд с юноши на глазное яблоко. Когда имитация корпуса была раскрыта, внутри не оказалось никакой механики — только чистое золото.

— Золото... я его лет пятнадцать не видел...

В нынешние времена, когда ресурсы и энергия на исходе, цена на золото достигла своего пика. Это был самый дорогой товар, доступный для обмена простым людям — дороже были только права собственности.

— Сколько за это дашь? Только не обманывай, — юноша потер замерзший нос. — Я в Город

Буйвола собрался. Если сдохну с голоду по дороге, приду к тебе призраком.

— В Город Буйвола? — переспросил толстяк и поспешил вглубь комнаты. Послышался звон и грохот, и через минуту он вернулся, неся старинный предмет, похожий на железную бочку.

Он двумя пухлыми пальцами осторожно крутил диск на крышке бочки, пока юношу не начало клонить в сон от зевоты. Наконец, крышка бесшумно приоткрылась.

Толстяк спрятал золото внутрь и спросил:

— Город Буйвола? Там же зона беззакония.

— А в Городе Сердца, по-твоему, закон есть? И разве ты счастлив? — парировал юноша.

Торговец осекся и беспомощно покачал головой:

— У молодежи вечно одни мысли. Все хотят жить спокойно, а ты ищешь смысл жизни... Разве смысл жизни не в самой жизни?

Юноша снова улыбнулся. Он был похож на живучую дикую траву, а его острый клык блестел, как капля росы.

— Дядя Я, на самом деле, я уйду в отставку. Хочу осесть в Городе Буйвола, греться на солнышке, пить вино и высыпаться.

— Что? — толстяк не удержался и поковырял в ухе, проверяя, не ослышался ли он. — Ты же инспектор! Решил уволиться? Да сколько тебе лет, чтобы на пенсию собираться? Ты же еще ребенок!

— В этом году... — юноша серьезно задумался. — Девятнадцать или двадцать? Забыл. Я работаю с двенадцати лет, вечно гоняюсь за железками, уже забыл, как это — просто бегать, как человек.

— Чувствую, что сам становлюсь машиной, — голос юноши прозвучал чисто, но в нем слышалась глубокая усталость. — А ведь я так ненавижу машины.

— Сколько денег тебе нужно? — спросил торговец. — Жить в таком далеком месте без гроша в кармане нельзя.

— Я и сам не знаю. Сколько стоит открыть приличную лавку? — спросил юноша.

Толстяк на мгновение задумался:

— Твоего золота хватит с лихвой.

Юноша рассмеялся — искренне, по-настоящему. Он смеялся, когда был счастлив.

Торговец достал из кассы бумажные купюры и монеты, тщательно уложил их в кожаный мешочек и с легким колебанием протянул юноше. Тот пощупал мешочек и поддразнил:

— Что, переплатил или недодал?

— Конечно переплатил, паршивец! — вспыхнул толстяк.

— Раз попало в карман, назад не отдам.

— ...Эх, уходишь. Даже немного жаль. Снежной сестрице сказал?

Юноша покачал головой:

— Она начнет рыдать и причитать. Не вынесу.

— Эй, Дунфан, будь осторожен в пути. Недавно закрыли еще несколько маршрутов, и кто знает, когда закончится этот снег. Прогнозы погоды вечно врут.

— Хорошо, я пошел.

Юноша, которого называли Дунфан, небрежно махнул рукой, спрятал кошелек и, напевая неизвестную мелодию, вышел из лавки.

Он пробирался сквозь хаотичные постройки рынка, слушая, как ветер хлопает тяжелыми брезентовыми тентами и как скрипит снежная крошка под подошвами его сапог.

Он чувствовал себя необычайно спокойным. Впрочем, двадцатилетнему юноше и не пристало быть таким спокойным.

Вспомнился вчерашний пойманный робот. Должно быть, это был робот-дворецкий: утонченные черты лица, вежливый голосовой модуль. Он скрывался восемь лет, но умудрялся содержать себя в безупречной чистоте, а его белый нагрудник все еще блестел.

Его голос был ясным и мягким. Дунфан подозревал, что машина лжет, но его слова так глубоко

тронули юношу, что даже осознавая ложь, он решил отпустить цель, за которой охотился восемь лет.

В мире, где холод человеческих отношений занимает восемьдесят процентов, даже ложь может принести радость.

Дунфан сел на поезд, идущий на юг. В тесном, темном вагоне, среди изможденных путешественников, он слушал пронзительный свист ветра, который казался агрессивным напором самой стихии.

Он уезжал налегке, совсем один, с лицом, на котором еще читалась детская невинность, а в глазах отражался свет зари.

Имя ему дала Снежная сестрица — местный фельдшер без лицензии.

Она говорила: Там, где встает солнце, там и Дунфан — теплое, ласковое солнце.

— Солнце, — прошептал Дунфан. — Ветер, солнце может двигаться, а ветер — нет.

— Эй, какое еще солнце, какой ветер? — старуха, свернувшаяся калачиком рядом, услышала его бормотание и растянула сухие черные губы. — Паренек, ты когда-нибудь видел черное солнце?

Дунфан растерянно покачал головой. Черное солнце? Звучит как конец света из мифов.

— Тогда тебе стоит дождаться, — улынулась старуха. — Это всего лишь природное явление, но, думаю, оно может напугать многих до смерти.

— Вы тоже на юг? — Дунфан, обращаясь к незнакомой пожилой женщине, перешел на вежливый тон. — Откуда вы?

Старуха покачала своей высохшей, как сморщенный плод, головой:

— Из... Города Инея и Цветов.

Дунфан приподнял брови:

— Тот самый передвижной город на Выжженных землях? Разве это не легенда?

— Легенда или нет, но если я не перестану гнаться за мечтой, то просто сдохну от смога Города Сердца. А ты, паренек, куда путь держишь?

— В Город Буйвола.

— Город Буйвола — неплохое место. С твоей сноровкой ты точно сможешь там править улицей.

Дунфан удивился:

— Откуда вы все знаете?

— Потому что я... — старуха многозначительно растянула гласные, — ...фэншуй-мастер.

Дунфан рассмеялся, и его клыки блеснули в темноте:

— Раз вы так говорите, значит, так оно и есть. А я еще переживал, как вы, старушка, доберетесь до Выжженных земель. Оказалось, зря волновался.

— Слишком зря. Лучше думай о себе, паренек, — старуха протянула тонкий сухой палец и ткнула его в лоб. — Будущие дни будут нелегкими!

— Ничего страшного, — улыбнулся Дунфан. — Я ведь еще даже не знаю, каков вкус легкой жизни.

— Старуху зовут, держи, — она невесть откуда вытащила горсть бобов и сунула Дунфану в руку.
— Почва в Городе Буйвола вполне пригодна для посадки. Посадишь половину бобов, половину сахарного тростника — и хорошая жизнь тебе обеспечена.

— Это и есть ваш магический совет? — спросил Дунфан, сжимая бобы в кулаке.

— Ну уж нет, за это ты мне еще не заплатил.

<http://bllate.org/book/19164/1881560>